

Жесип

Калымбетова

СУДЬБА И ЕЕ УРОКИ

Главы из автобиографического романа

16

Уже совсем скоро тот день, когда я могу гордо прицепить к груди ромбик, свидетельствующий о высшем образовании. Каникулы после четвертого курса тоже на подступах. Я очень соскучилась по дому, по аулу. Здесь, в Алматы, я общалась только с Досжаном-ага. Как говорится, «пусть будет хотя бы один дом, куда ты можешь прийти, даже если это будет дом врага». И по субботам, после лекций я навещала свою родню. Возвращалась в воскресенье вечером. Так как это был частный дом, нам приходилось топить печь, выносить золу, таскать воду. Он находился на пересечении улицы Гоголя и проспекта Коммунистического. Позже там построили многоэтажный дом с гастрономом «Юбилейный» внизу. Я была довольна тем, что у меня в чужом городе был свой теплый угол, хотя здесь на мою долю, как всегда, выпадало много работы. Бывали случаи, когда я, работая не покладая рук, гладила одежду четырех детей Досжана-ага до трех часов ночи. С годами, анализируя то время, я удивлялась: зачем я ходила туда, когда могла спокойно отдыхать у себя, питаюсь бесплатной пищей в столовой. Опять запоздалое сожаление... Сноха Майра была очень чистоплотной женщиной, искусным кулинаром. Я научилась у нее многим рецептам. Всю работу в доме я выполняла беспрекословно и качественно, точно работала у них оплачиваемой домработницей, словно это было моим предназначением, моей прямой обязанностью. И самым высшим подарком, верхом наслаждения было для меня посещение маленькой баньки, которая стояла на том месте, где позже появился роскошный банный комплекс «Арасан». Билет стоил всего пятнадцать копеек. Дело в том, что в доме моих родичей не было ни воды, ни ванной. Но я продолжала ходить к ним. До сих пор приходят мысли, что это было ребячеством. Однако, какое тут ребячество, ведь мне уже было двадцать четыре года. Скорее всего, причина такого поведения в том, что я не умела проводить время бесцельно, привыкла быть домоседкой. Собственными ногами я ходила в тот дом, добровольно погружалась в пучину безрадостного труда и выполняла наперед всю недельную работу. Нет-нет да посетит шальная мысль, что за этот мой труд родня меня ни разу не отблагодарила хотя бы десятью или пятью рублями, сходи, мол, в кино. И снова я впадаю в горькое сожаление, что была так наивна и глупа. Но надо отдать должное справедливости. Несмотря

Продолжение. Начало в №№ 6-2020, 3-2021.



на сожаления по поводу растроченной звонкой энергии молодости, думаю, что благодаря этому мой авторитет среди девушек был очень высоким. Они советовались со мной во всем, учились у меня многому.

Да и не стоит расстраиваться и горевать по прошлому, ибо все события жизни обогащают нас знанием и опытом, способствуют нашему росту и развитию. «Кочевье выравнивается по пути». Подобно этому, человек меняется, продвигаясь по жизненной дороге и осознавая свои достижения и ошибки. Это обратная сторона пословицы: «Если б знал, что умру, сам бы выкопал себе хорошую могилу». Как мне кажется, жизнь привлекательна именно этими ошибками, ценна незнанием того рокового дня, когда наступит смерть. И слава Богу! Да, я с искренним рвением и усердием выполняла работы по их дому. Уезжая отдыхать на три недели, родственники оставляли на меня своих четверых детей. Я бывала чрезвычайно горда тем, что удостоилась абсолютного доверия их и с еще большим рвением принималась за уборку, стирку, глажку и прочие дела. И даже «перевыполняла норму». Нынче, когда я пишу эти строки, мне уже семьдесят четыре года. Но и теперь я не могу гарантировать, что в дальнейшей своей жизни не буду совершать ошибок. Об одном только прошу Всевышнего, чтобы все мои труды возвернулись милостью для моих детей. Аминь! Оказывается, Аллах все излишества и недостатки приводит в равновесие в соответствующее тому время. Он пропускает смертного через испытание, и если тот не усвоит урока, то насылает новый экзамен...

17

Перед сдачей экзаменов за четвертый курс мы, студентки ЖенПИ, были направлены в город Каскелен Алматинской области для прохождения практики в казахской средней школе имени Абая. Здесь нам полагалось получить первый опыт преподавания. Педагогическая практика состояла в посещении занятий опытных учителей, проведения нами самими зачетных уроков, затем – подробнейшего анализа каждого проведенного занятия с точки зрения методики преподавания, открытого выявления достоинств и недостатков, оценки урока. На зачетном уроке присутствовали опытные учителя школы с многолетним стажем и направленный из института методист, обучающий методике преподавания.

Вследствие того, что педпрактика растягивалась на два месяца, нам пришлось опять разбиться на группы по симпатиям и снимать квартиры в самом Каскелене на это время. Институт обязался возместить арендную плату. В моей группе было шестеро: Жансая, Камшат, Нагима, Алия, Гульжан и я. По соседству с нами жила семья преподавателей той же школы. Муж вел уроки математики в старших классах, а жена учительствовала в начальной школе. Мы подружились с ними, иногда брали посуду напрокат. Когда эта женщина заболела, я замещала ее в классе начальной школы.

Соседи были очень благодарны мне, а, узнав, что я сирота, решили отплатить за мою работу. Оказалось, что они со стороны наблюдали за мной и прониклись уважением ко мне, считали меня расторопной и трудолюбивой. Помню, даже через сына пригласили в гости.

Однажды на остановке автобуса, следующего в Алматы, я встретила Мадину-апай. Она ежегодно сопровождала студентов на педпрактику в школу имени Абая. Беседуя, доехали до города. Я приехала специально, чтобы купить наглядные по-

собия для открытого зачетного урока по зоологии. Магазин наглядных пособий находился на пересечении улиц Комсомольской и Ауэзова.

Наши соседи-учителя очень хорошо знали Мадину-апай и, видимо, расхвалили ей меня. Мадина-апай как-то спросила меня в учительской: «У тебя есть парень?». Я смутилась и лишь засмеялась в ответ.

Практика наша закончилась, и мы вернулись в Алматы. Оказывается, Мадина-апай в поисках меня приходила в общежитие. «Пусть Жаныл соберет и принесет мне ваши отчеты по педпрактике», – сказала она девушкам. «Я же не староста», – возразила я и, не придав этому значения, ушла с подругами в аудиторию, чтобы готовиться к экзаменам.

Спустя пару дней мы группой из пяти девушек сидели в аудитории и готовились к экзаменам. Из-за нехватки книг в библиотеке на пять-шесть девушек выдавалась одна книга, а лекции у нас у всех были неполные. Мадина-апай нашла меня и сказала:

– Жаныл, идем со мной. Ты, оказывается, умеешь делать заказ на автобус, помоги мне, я собираюсь везти студентов на полевую практику.

После окончания каждого курса мы выезжали на полевую практику. Там собирали различные виды растений и засушивали их для гербария. Выясняли семейство трав, к каким видам и подвидам они относятся. Также собирали насекомых и мелкую живность вроде лягушек и раков. Охотились на змей, черепах, ящериц и ежей. Некоторые экземпляры в спирте или формалине привозили в институт. На лабораторных занятиях анатомировали их, изучали состав и строение внутренних органов. Полевая практика обычно длилась не меньше месяца.

В те годы автомобилей было мало, не то, что теперь. Все места, куда нам приходилось ездить, казались далекими, словно край света. К примеру, мы побывали на практике в Топаре, Баканасе в устье реки Или, в Есике, Капшагае, Узынагаше, Табаксовхозе, Каргалы, Кындыктасе (на границе с Кыргызстаном), на Медео. В связи с удаленностью этих мест мы запасались мукой, сахаром, чаем и прочими непортящимися продуктами, некоторые из них я потом обменивала на мясо и масло. Одним словом, забота о пропитании девушек была на мне. Я старалась экономно распорядиться деньгами, чтобы никого не огорчить. Каждодневную пищу готовили дежурившие в этот день девушки.

Итак, мы с Мудиной-апай поехали на автобазу №3 и сделали заказ на автобус. Мадина-апай пригласила меня к себе домой и высказала вторую просьбу:

– Я уезжаю на полевую практику в Узынагаш. Жаныл, давай я познакомлю тебя со своей дочкой Шолпан. В этом году она учится в одиннадцатом классе. Даст Бог, скоро окончит учебу. Пожалуйста, после каждого экзамена отвози ей нужную книгу из вашей институтской библиотеки. Она настроена окончить школу на отлично.

Я подумала, что это нетрудно будет сделать, и согласилась. К тому же, у меня впереди был еще год учебы. Я посчитала правильным оказать эту услугу преподавателю.

Мадина-апай жила в большом частном доме у подножия гор в верхней части Горного Гиганта, в живописном, райском уголке природы с яблоневыми садами и чистым воздухом. Подходя к дому, я увидела стоящую во дворе старую модель машины «Победа» молочного цвета.

– Апай, в доме кто-то есть? Машина стоит.

– Это машина мужа. Наверное, на обед приехал, – пояснила она.

– Апай, я лучше не буду заходить. Пусть ваша дочка сама выйдет во двор, – попросила я.

Дело в том, что я стеснялась своего вида. Мадина-апай увела меня прямо из аудитории, прическа и платье были неподходящими для этого случая. День выдался жаркий, поэтому я надела платье с большим вырезом.

– Да ладно тебе, из такой дали приехала, нельзя отказывать. Давай, заходи! – и она, подталкивая меня, завела в дом.

Когда мы вошли в дом, запах вареного мяса ударил нам в нос. Крепкий мясной дух стоял во всех комнатах. В зале сидели двое мужчин. Они уже закончили обедать. Оба познакомились со мной, пожав мне руку. Первый был Гарифолла-агай, хозяин дома. Он работал фотографом в Институте экспериментальной биологии. Причем, как я узнала позже, не простой фотограф, а специалист по снятию на пленку препаратов через микроскоп, мастер по микрофотографии. Второго мужчину звали Бердыкул. «О, оказывается, мы коллеги. Я тоже биолог», – сказал он мне при знакомстве. Оба они, не мешкая, удалились.

Взглянув на накрытый стол, я пришла к выводу, что это далеко не будничная дастархан. На нем, как говорят, «не было места, чтобы воткнуть иглу». Деликатесы казы, жая, блюдо из риса, салаты, фрукты и ягоды, разнообразие сладостей к чаю. Я не могла отделаться от мысли, что этот роскошный стол был накрыт по какому-то особому случаю.

После свадьбы муж рассказал мне, что они с Гарифолла-агаем очень долго ждали нас. Мадина-апай специально пригласила его на обед, чтобы показать ему меня. Осторожничая и придумывая уловки для усыпления моей бдительности, она потеряла много времени. Поскольку дело это весьма деликатное, Мадина-апай перестраховалась, оставляя в неведении нас обоих.

В те годы телефоны в городских окраинах были большой редкостью, и установка их упиралась в огромные трудности. Поэтому мужчины не имели возможности связаться с нами и сильно утомились, ожидая нас. Не дождавшись, они приступили к трапезе, которую им организовала Шолпан.

Любезно угощая меня, Мадина-апай начала разговор:

– Жаныл, вот моя единственная дочь Шолпан. Я объясняла тебе по дороге.

Удобно расположившись, она приступила к третьей своей просьбе:

– Понимаю, ты сейчас тоже в запарке, сдаешь экзамены. Но все же, Жаныл, я слышала, что ты хорошо шьешь. Шей, пожалуйста, моему сыну Мурату сатиновые штаны.

В то время как раз вошли в моду сатиновые шаровары с прорезанной резинкой, похожие на украинские. Их носили вместо спортивных трико. Я и на эту просьбу согласилась, но обещала сшить после экзаменов.

Сдав очередной экзамен, я снова пришла к своим новым знакомым. Мадина-апай, которая должна была находиться на практике, занималась глажением белья. При виде меня она ступсывалась и сказала:

– Гарифолла приехал туда на машине, и я решила проведать детей.

На этот раз в доме стоял запах мант. Стол в гостиной также ломился от яств.

– Вы гостей ждете? Я тогда пойду.

Женщина отвечала уклончиво:

– Сейчас муж приедет, потом подбросим тебя на машине... Интересно, почему он задерживается?

Когда время приблизилось к восьми часам вечера, Мадина-апай сказала:

– Ну ладно, я провожу тебя до остановки, – и начала одеваться.

Она хорошо знала, что студентов в общежитие впускают лишь до одиннадцати часов, и поэтому была вынуждена проводить меня. По строгим правилам общежития опоздавших девушек фотографировали и высмеивали, выставив на общее обозрение, как нарушителей распорядка.

Едва мы прошли мост через речку, нас осветила фарами черная «Волга» и остановилась.

– Мадина-апай, куда вы направляетесь? – спросил высунувшийся из машины уже знакомый мне мужчина. – Мы тут возьмем билеты в кино на десять часов. Если захочет, для карындас¹ тоже найдется билет. Сестренка, вы пойдете в кино?

– Нет, я возвращаюсь к себе, – сказала я.

– Мы взяли билеты в кинотеатр «Казахстан». Он прямо рядом с вами. Мадина-апай с мужем тоже пойдут.

Короче говоря, машина забрала нас перед остановкой и повезла обратно домой. Оказалось, что это был розыгрыш. Никакого кино и билетов не было. Весь этот спектакль был организован для того, чтобы показать меня другу моего будущего мужа, микробиологу, кандидату наук Губайдулле Сейкетову. После вечеринки, которую радушно обслуживала Мадина-апай, меня довели до общежития.

– Как сдаете экзамены? – спросил Беке² по дороге. – Следующий экзамен когда?

– Экзамены сдаю хорошо. Следующий экзамен по «Экономической географии зарубежных стран». Сдаем мы его на русском языке, да и книг нет. – ответила я.

– Разве это проблема, сестренка? Завтра к часу дня приходите на угол улиц Кирова и Красина. Я закажу для вас эту книгу в библиотеке Академии наук. Буду ждать, – сказал Беке и записал фамилию автора книги.

На другой день в назначенный час я забрала обещанную книгу.

– Сестренка, не забудьте вернуть, книга библиотечная, – предупредил он меня.

После сдачи двух последних экзаменов мне не удалось ни съездить куда-либо, ни навестить Мадину-апай. Нас отправили на сорокавосемидневную дальнюю практику.

Это была уникальная познавательная практика, которая существовала лишь на факультете «Естествознания и биологии» для студентов специальности «биолог-географ» и имела вид увлекательного путешествия. Все расходы на проезд, питание, посещение музеев, театров, мавзолеев, церквей, дворца съездов и прочих культурно-исторических объектов оплачивал институт. Для нас это был предел мечтаний, неповторимая, сказочная возможность.

Эту удивительную практику мы начали с города Гурьева (ныне Атырау). Осмотрели подземную холодильную установку на берегу Каспийского моря. Там по всем стенам были протянуты фреоновые провода. Осетры длиной в три-четыре метра составляли продукцию той холодильной установки. Невольно вспомнилась поговорка: «среди тварей самая большая – рыба». Обозревали нефтяные трубы Доссора и Маканши. Правда, в гостинице «Гурьев» нас поедом ели комары. Только в Астрахани мы обрели покой.

Первая достопримечательность Астрахани – Астраханская крепость – белела издалека. Очень красивый город. Дома построены из красного кирпича, по четы-

¹ Карындас – сестренка, форма обращения мужчины к младшей по возрасту девушке.

² Беке – уважительное от имени Бердыкул.

рем углам оснащены водосточными трубами. Еще одно интересное место, куда гостям города непременно следовало пойти – кинотеатр «Октябрь», в центре холла которого росла пальма в четырнадцать метров высотой. На теплоходе «Украина» мы отправились из Астрахани по городам Сочи, Ялта, Туапсе. В Грузии мы посетили Тбилиси, Рустави, Гори. В Тбилиси побывали в «Планетарии», располагавшемся в горном парке, в Гори – в доме Сталина, в Рустави – на металлургическом заводе по производству стали, чугуна и железа. В Батуми мы насладились прогулкой по «Ботаническому саду», в Сухуми нам показали фабрику по переработке чая и кофе. Также с удовольствием совершили экскурсии по курортным городам – Железноводску, Кисловодску, Минеральным Водам, – обратили внимание на их целебный воздух и чистоту. По Военно-Грузинской дороге проехали на машинах, перевозивших тяжелые грузы. Было очень страшно. Мне казалось, что вот-вот сорвемся в пропасть. Я только изредка открывала глаза.

По возможности, мы старались посетить музеи исторических городов. В Севастополе посмотрели батальные картины «Панорамы Севастополя» и «Диорамы Севастополя». Посетили развалины древнего города Херсонес.

Не пропустили и гигантский аквариум на берегу Черного моря, представляющий удивительные виды подводного мира морей и океанов. Большое впечатление произвели две исполинские черепахи, пойманные в Тихом и Индийском океанах. В этом путешествии мы еще раз убедились в правоте народной мудрости: «Лучше один раз увидеть, чем тысячу раз услышать». Нам пришлось созерцать, изумляться, познавать, усваивать невероятное количество удивительных сведений и научных открытий.

Из Севастополя на поезде отправились в Москву. В течение восьми дней осматривали лучшие достопримечательности столицы: Мавзолей Ленина, Дворец съездов, Исторический музей, Большой театр, Царь-колокол во дворе Кремля, Царь-пушку. С интересом осмотрели храмы в окрестностях Кремля и много разнообразных исторических объектов. Эта беспримерная практика оставила глубокий след в нашей жизни, явилась неповторимым духовным опытом.

Когда я, полная впечатлений и утомленная, вернулась с практики, в доме Досжана-агая был в разгаре капитальный ремонт (побелка, покраска). Несмотря на усталость, я подключилась к работе. Так пролетело несколько дней. Во время путешествия по разным городам я накупила там одежды, которую невозможно было найти у нас. Для этого мне пришлось влезть в долги. Теперь, чтобы расплатиться с ними, я записалась в студенческий стройотряд.

Утром, к десяти часам, мы должны были собраться у вокзала. Билеты были куплены, они находились у командиров стройотряда. И вот, когда я собиралась в дорогу, на глаза мне попала книга «Экономическая география». «Ой, какой позор! Я же совсем забыла про эту книгу! – всполошилась я, – она же библиотечная». Позвонила Беке на работу, чтобы предупредить о моем отъезде еще на месяц. Там мне ответили, что он в отпуске, а телефона домашнего у него нет. Я решила, что будет правильным отнести книгу профессору домой. Мне дали его адрес: Астрономическая 53, квартира 5.

Взяв такси, я на последние три рубля поехала по этому адресу, но Беке не оказалось дома. За дверью спросили: «Кто там?». Голос был старческий.

– Апа, я карындас вашего сына, принесла ему книгу. Откройте, пожалуйста, дверь, мне надо оставить ее.

– В Алматы у него нет никакой карындас. Он придет поздно, в гости ушел. А может, и совсем не придет, – ответила старуха.

Я не поверила ее словам и просидела в ожидании в дворовой беседке почти час. Мне очень хотелось именно в этот день избавиться от книги. День клонился к вечеру, в кармане оставались какие-то копейки, про такси нечего было и думать. Решив вернуться домой, я начала выспрашивать у прохожих о проходящих здесь видах транспорта. «Пройдите направо, там по улице Ауэзова сядете на первый троллейбус и сойдете на углу улицы Гоголя и проспекта Коммунистического», – сказал мне незнакомец.

Пойдя по указанному направлению, через три-четыре дома я наткнулась на дом моего двоюродного брата Шормана и очень обрадовалась. Пришла идея заночевать у брата, а ранним утром отнести книгу. Так я и на поезд не опоздаю.

Итак, в семь часов утра я снова пришла на Астрономическую, 53 и постучала в дверь пятой квартиры. Беке открыл мне дверь в ночной пижаме и тут же скрылся в квартире. Оттуда подал голос:

– Сестренка, я сейчас, сейчас! – переодевшись, он появился в прихожей. – Ночью я вернулся из гостей, извините! Как хорошо, что вы пришли! – говорил он громко и растерянно.

– Агай, я тороплюсь, в десять часов я должна быть на вокзале, успеть на поезд, – сказала я.

– Сестренка, нельзя игнорировать утренний чай, – произнес он и быстро вышел.

В то время хлебные магазины открывались в семь утра. Беке в мгновение ока вернулся с буханкой черного хлеба. Это ведь был период, когда во главе государства стоял Хрущев, и с белым хлебом были большие трудности.

Беке хлопотал, готовясь угостить меня чаем. «Никуда без чая не пойдете», – еще раз отверг он мое сопротивление.

Он со стуком поставил на стол трехлитровую банку с медом, открыл ее, но забыл дать ложку. Скатерти на столе не было. Состояние квартиры заброшенное и бедное. Попросив у матери, принес пачку печенья. Я не позволила ее открыть.

– Сестренка, а может быть, будете кислое коже?¹ Мать моя пьет, – сказал он суетливо, не найдя молока к чаю.

Он налил мне черного чаю и выпросил у матери для меня конфет. Стол был из простых деревянных досок, которые плохо стыковались друг с другом. Под ним стояла корзина, полная сухарей. Позже я поняла, что они собирали хлеб для кур снохи, жившей за городом в частном доме.

Я пребывала в крайнем удивлении: какая же у него жена неряха! Квартира была абсолютно неухоженная. «Надо же, – думала я с осуждением и грустью, – как это жена у такого ученого, профессора, может быть неряхой».

В одном углу зала высились горкой собранные одеяла, рядом – железная кровать, на спинках ее – продолговатые зеркала, подобные тем, что бывали в вагонах поездов советского времени; старый диван, который удлинялся за счет округлых подлокотников. Овальный стол заполнен книгами так, что невозможно найти место для посуды. Имелся еще книжный шкаф. Обивка на двух стульях обветшала и местами порвалась. Вот и все имущество. Подоконник до самой середины был заставлен книгами. Все три окна были лишены занавесок. Кажет-

¹ Коже – пшеничный или рисовый суп, заквашенный кислым молоком.

ся, говорили, что этот человек доктор наук. Вряд ли, усомнилась я в его ученой степени, уж слишком неприглядно выглядело жилище.

В нашем сознании тогда «доктор наук» являлся обладателем некоего дивного, недостижимого знания. И подразумевалось, что его благосостояние гораздо выше, чем у простого народа. Занимаясь наукой, эти люди много учились, повышали постоянно свои интеллектуальные познания, поэтому и денег должны были получать больше, чем другие. У нас сформировалось понятие, что их общественно-материальное положение должно процветать. По этой причине увиденное мной в квартире Беке неприятно удивило меня и потрясло до глубины души. Мы считали ученых культурными, безупречными, безукоризненными людьми. И не знали, что они расстаются с женами.

Беке пропустил мимо ушей мое замечание о том, что спешу на поезд.

– Мадина-апай говорила мне о вашем положении. Не надо ехать на строительство, для девушки это – очень тяжелая работа. Кроме того, пыльная, грязная. По просьбе Мадины-апай я договорился с пионерлагерем, чтобы вас взяли вожатой. Лагерь находится у подножия Медео, чистый воздух, будете получать девяносто рублей, четырехразовое бесплатное питание. Человек, с которым я договорился, живет поблизости, телефона у него нет, надо идти. Вы немного подождите, если что, на поезд успеете, я схожу, поговорю, – и он вышел.

Я забеспокоилась, потому что он задерживался. Захотелось уйти, с этой мыслью подошла к двери, но она оказалась заперта. У матери ключа не было. Квартира находилась на втором этаже, телефона тоже не было. Мне ничего не оставалось, как ждать и надеяться, что Беке скоро вернется. Но он все не появлялся.

Раздосадованная тем, что так глупо попала в сети случая и опоздала на поезд, который должен был увезти меня на стройку, я заплакала. Вероятность получения другой работы тоже была сомнительной. От слез глаза мои опухли. Весь день я помогала старухе тереть выстиранную шерсть для нового одеяла. «Сын мой никогда так не задерживался, где это он ходит, интересно? – говорила старуха, словно о чем-то догадываясь, – не плачь, милая». Как оказалось, у нее был очень хороший слух, и, сидя в своей комнате, она слышала наш разговор с ее сыном.

Старуха весь день говорила, не умолкая. Не все слова ее я понимала. Только почувствовала по голосу, что в ее речи было много утешительных слов. «Дочка, давай попьем чаю», – сказала она и включила электрический чайник в своей комнате. Казалось, все ее внимание было сосредоточено на мне.

Когда уставшая старуха, наконец, уснула, я тоже свалилась на диван и забылась крепким сном.

Глубокой ночью вернулся Беке. Оказывается, уже было почти три часа. Увидев мои опухшие от слез глаза, он спросил:

– Сестренка, почему вы плакали? Чтобы я больше никогда не видел ваших слез! Я пригласил родственников и друзей на той. Он будет через два дня. Я задержался, разыскивая директора совхоза «Горный Гигант» Жиренбаева Ережепбая. Он подарит одного барана, второго барана я купил. Его совхоз производит шампанское, коньяк, вино. Благодаря мне он окончил заочно сельхозинститут, к тому же я устроил его лаборантом в Ботанический сад. Он очень уважает меня, – сыпал Беке.

– Какой вы интересный, агай, – возразила я, шокированная его поведением. – Я вас совсем не знаю, вы создаете впечатление женатого человека.

– Сестренка, у меня много жен, это правда. Хватает и законных и незаконных, – сказал он и повторил сказанное прежде: – Отныне я бы не хотел видеть ваших слез, – и добавил по-русски: – Я мало обещаю, но много делаю.

Несмотря на мое оторопелое состояние, он продолжал:

– Однако ваша жизнь в этом доме должна начаться с сегодняшнего дня, не надо ничего спрашивать и копаться в моем прошлом. Другими словами, летоисчисление для вас начнется с сегодняшнего дня. Добро пожаловать! Бракосочетание невозможно, поскольку моя вторая жена дошла до Верховного суда, чтобы не разводиться со мной. Но если даже она будет сидеть в обнимку со свидетельством о браке, я жить с ней не собираюсь. Этот документ – всего лишь условность, всего лишь бумага. Она имеет вес лишь при решении каких-то социальных проблем, вроде начисления алиментов или получения квартиры... Я зарегистрируюсь в очередь на квартиру. У меня есть престарелая мать, сам я доктор наук. Помимо положенных девяти квадратных метров мне полагается дополнительно двадцать квадратных метров за ученую степень. – Тут он пояснил: – в этой квартире пропишу семью, так как двум моим детям нужна квартира. – Конечно, жена моя совершила крупную ошибку. Ей следовало продолжать жить в доме, который был построен в Ботаническом саду для директора. Постеснявшись сотрудников, она переехала в тесную двухкомнатную квартиру матери. Если б она хотя бы мне сообщила, я бы поселился там. Дело в том, что мы тогда снимали квартиру в Тастаке, – делился со мной Беке своими проблемами. – Вы не переживайте насчет регистрации брака, – добавил он и попросил быть его женой.

Вот так, вместо стройотряда я нежданно-негаданно угодила в жены доктора наук Бердыкула Калымбетова. Началась совершенно новая для меня жизнь.

Наутро, около десяти часов, Беке повел меня делать заказ на свадебное платье. На пересечении улиц Гоголя и Дзержинского (ныне Наурызбай-батыра) оказалось ателье, где срочно шили свадебные платья для невест. По пути мы заскочили в сберкассу, Беке снял семьдесят рублей, и мы заказали платье. В ателье нам сказали, что оно будет готово через два дня.

Я тревожилась о том, как мой новоиспеченный жених собирается проводить свадьбу. В неважном финансовом положении ученых я уже успела убедиться. Ни о чем другом я теперь не задумывалась, все произошло так неожиданно и спонтанно.

Едва начав жить в этом доме, я уже стыдилась его состояния. Не выдержав, начала делать генеральную уборку квартиры. При этом меня не интересовало, придет ли кто-нибудь помогать, я просто не задумывалась над этим.

Беке приходилось ежедневно закупать продукты, так как холодильника не было. Он опять ушел, но, как выяснилось, не в магазин, а чтобы уточнить время проведения нашего тоя. Кроме этого, Беке нашел человека и поручил ему зарезать двух баранов, словом, сделал приготовления. И это все без согласования со мной, без предупреждения.

Вдруг раздался звонок в дверь. Я открыла. Там стоял очень худой человек.

– Коке¹ дома? – спросил он.

– В магазин ушел, скоро придет.

Пришелец застенчиво вошел в дом и сразу же направился в комнату старухи. Я смекнула, что он родственник, и поставила чай. Тут подоспел и «коке». Мы вместе попили чаю. Но, странное дело, Беке нас не познакомил. На другой день

¹ Коке – одна из форм обращения к дяде по отцу.

до обеда прибыла женщина по имени Аяткуль, как оказалось, мать вчерашнего худяка и жена старшего брата Беке. Жених мой снова отсутствовал. Аяткуль приступила ко мне с расспросами:

– Дочка, откуда ты родом? Есть ли у тебя родители? Работаешь или учишься?

Получив ответы на все вопросы, она сказала:

– Жаным, ты мне понравилась. Вчера пришел мой сын Бердибек и сообщил, что видел незнакомую девушку в доме дяди. Вот я и не выдержала, прибежала чтобы узнать, кто ты.

Не зная, как представиться, я сказала ей только свое имя. Когда мы закончили пить чай, вернулся Беке.

– Аяткуль, хорошо, что ты пришла. Не было времени сходить к вам и сообщить. Послезавтра приходите на той, – огорошил он невестку.

– Ойба-ай! – вскричала она. – Почему ты не говоришь заранее?! Хоть бы через Бердибека передал. Как же это так? Если б я сегодня не пришла, то и не пригласил бы? – она даже заплакала от расстройства.

Так и ушла домой, сильно рассерженная. Однако наутро она пришла пораньше, видимо, гнев ее рассеялся. К тому же, сноха знала, что помогать некому. Дуйсена в это время не было дома. Бердибек не пришел, вероятно, из-за тесноты квартиры. Акжан-апа с мужем также не явились, обидевшись на то, что не уведомили заранее.

Алимбек, друг Беке, привел какого-то старика. Тот зарезал двух баранов и разделал их. За работу, помимо полагавшейся ему платы, он получил внутренности, голяшки и шкуру. Когда старик ушел, из своей комнаты вышла моя новопеченная свекровь, проверила качество мяса и начала искать шкуры. Мы не могли полностью разобрать ее слова. По тому, как она повысила голос, поняли, что она рассержена и недовольна, но отчего, было неясно.

– Апа, ты не переживай! – сказал ей сын, подойдя. – Пока я жив, в этом доме никто не сможет вершить власть. Я отдал старику-убойщику шкуры, чтобы он выделал тебе хороший тулак¹. Когда будут готовы, принесу.

Только теперь мы уяснили, в чем была причина скандала. Свекровь сразу успокоилась и ушла к себе.

На другое утро жена Алеке (Алимбека) и сноха Аяткуль сварили мясо и накрыли дастархан. Даже если обида снохи на Беке до конца не растворилась, она, не подавая виду, хлопотала вокруг стола. Надо отдать должное этим двум женщинам, все блюда получились на славу.

Роль тамады исполнял друг Беке Макаш Бекбергенов, доцент Ташкентского педагогического института имени Низами. Он в это время находился в Алматы по делам своей кандидатской диссертации, посвященной творчеству мастера слова, писателя Габита Мусрепова. Анализируя произведения прозаика, встречался с ним, вел беседы.

В связи с теснотой квартиры, вмещавшей максимум двадцать человек, на той явились сплошь одни мужчины. Из женщин были жена директора совхоза «Горный гигант» Озипа, супруга Алеке Гульнар и сноха Аяткуль. Познакомившая нас с Беке Мадина-апай с мужем не смогли прийти.

¹ Тулак – высушенная шкура домашнего животного, используемая как подстилка и для взбивания шерсти.

Вот и той подошел к концу. Сноха осталась ночевать в комнате свекрови. Наутро Аяткуль-тате снова заплакала, выплескивая обиду и отводя душу. Я обрадовалась тому, что они помирились.

Сноха принесла нам в подарок подушку, напольное и постельное одеяла. Свекровь отдала нам только подушку, а одеяла постелила на свою кровать.

Свекровь моя была почтенной матерью, родившей пятнадцать детей. Беке был ее последышем. Отец его умер, когда он находился еще в утробе. Родился семи-месячным. Свекровь рассказывала: «Был слабеньким оттого, что не доносила. Я клала его в шапку и подвешивала на кереге¹. До полутора месяцев никто из соседей и не знал о нем, пока не окреп и не стал подавать голос. Я и не верила, что он выживет».

18

Итак, восьмого августа 1964 года мы провели свадьбу. За разными заботами наступила осень. Меня мучили вопросы: «Как я пойду в институт? Как посмотрю в глаза учителям и девушкам? Что им скажу?». Я стыдилась того, что вышла замуж за человека, старше себя на двадцать два года. Было такое чувство, что произошло событие, о котором никто не ведал ни во сне, ни наяву. Меня одолевало некое беспокойство, я не знала, как его победить. Невероятно трудным для меня было показаться на глаза своих подруг, однокурсниц.

.. Конечно, что могут сказать девушки... Все окружили меня, по очереди обнимали, целовали, желали счастья, засыпали вопросами. Говорят, и к преисподней привыкают. На самом деле, у меня не было времени выслушивать их, обращать внимание на сплетни. Преподаватели тоже смотрели с некоторым сомнением, спрашивали у студенток: «Как она живет с ним? Все ли в порядке?». Мне кажется, они ревностно отнеслись к тому, что я, простая студентка, выскочила замуж за доктора наук. И приложили все усилия, чтобы незаконно лишить меня полагавшейся мне стипендии. Мотивацией было то, что муж богатый, и так обеспечит.

Первое время, выходя с мужем на люди, я испытывала мучительное стеснение. Это продолжалось долго. Начиная с порога и до самого возврата домой, меня преследовало наваждение, что все живое и неживое смотрит на нас и вопрошает: «Почему она вышла за старика? Он же намного старше ее!». Эти неприятные вопросы юрко проникали отовсюду и жалили меня. Казалось, все оглядывают меня с недоумением и сожалением.

За ежедневной суетой дни пролетали быстро. Каждый день в восемь утра я уходила в институт и возвращалась к трем часам пополудни.

Спустя месяц после тоя кто-то постучался в дверь. Мужа дома не было. За дверью стояла полноватая женщина, одетая в красивые импортные одежды. Возраста она была примерно такого же, что и мой муж. Она сразу спросила Беке. Незнакомка не приняла во внимание мой ответ о его отсутствии и, не представившись, уверенно направилась в комнату свекрови. Я в это время мыла полы. Когда, вымыв в ванной руки, я подошла к комнате свекрови, то через застекленную дверь увидела следующую картину. Наглухо закрыв дверь и тесно прижавшись друг к другу, они сидели на кровати. Свекровь моя что-то бормотала госте, видимо, описывая подробности нашей жизни. При этом старуха держала в руках ее руки и то и дело пожимала их.

¹ Кереге – решетчатая стена юрты.

Я поставила чай и начала накрывать на стол. Через некоторое время женщина вышла из комнаты и села за стол. Лицо ее стало красным от прилившей крови. Видно, так подействовал на нее рассказ старухи. Она спросила, кто я такая, и сообщила:

– Я пришла проведать апа.

Моя властная свекровь вдруг проявила нерешительность и не смогла выйти к чаю. Она оставалась лежать в постели до самого конца нашего чаепития. Такое поведение дерзкой, никому не дающей спуску свекрови озадачило меня не на шутку и породило подозрения.

– Меня зовут Улжан, – представилась, наконец, гостья.

Она попросила сварить принесенное ею прекрасное мясо, филейную часть. Я сварила, и мы стали ждать хозяина дома. После его прихода начали трапезу, и они вдвоем выпили пару-тройку рюмок водки. Улжан еще принесла с собой бутылку шампанского и бутылку коньяка. И для свекрови моей у нее был подарок. За столом никаких лишних слов сказано не было. Она пожелала нам с Беке счастья и удалилась. Уходя, предупредила меня, что зайдет завтра за своими вещами.

Вещи ее, находившиеся у нас, были похожи на приданое, приготовленное для собирающейся замуж девушки. Причем, все сплошь дорогие, качественные. Шелковые одеяла на верблюжьей шерсти: два красных и два желтых; четыре пышных и легких подушки, набитых гусиным пухом. Все эти вещи были с этикетками, из тех, что называют «дефицитом». В то время достать их было очень трудно. Неудивительно, что с первых дней я заглядывалась на те предметы, так как в этой квартире больше не на что было смотреть.

Два новеньких настенных ковра, два паласа. Перед тоем все они были сложены на кровати свекрови, поскольку необходимо было освободить зал для приема гостей. Два больших, закрытых на замочек, чемодана с вещами. Шесть венских стульев вдобавок. Я была в недоумении, когда свекровь не дала мне прикоснуться к этому имуществу, заявив, что оно чужое. А Беке сказал уклончиво: «Потом все объясню».

Итак, Улжан потребовалось три дня, чтобы вывезти свои вещи на такси. Как потом выяснилось, она была свояченицей Толегена, ташкентского друга Беке. Улжан была разведена, имела взрослую дочь, переехала из Семипалатинска и занималась торговлей. Я поверила Беке, когда он объяснил: «Она торговка. Как-то возникла опасность обыска, и она перевезла к нам свои вещи».

Теперь стало ясно, что Улжан намеревалась выйти замуж за доктора наук и под предлогом грозящего обыска навезла сюда свои товары. Старухе она угождала тем, что приносила ей замечательные вяленые курдюки. Под кроватью ее стоял целый мешок таких курдюков. Мешок был большой, сшитый из нескольких слоев плотной желтой бумаги. В таких мешках в магазинах держали макароны. Из-за отсутствия холодильника она приносила вяленые, непортящиеся курдюки. До сих пор я помню чудесный вкус тех курдюков. Добавленные в любую пищу, они делали ее аппетитной, вкусной. Словом, действовали, как приправа. Мы целый год питались ими.

Помимо них, Улжан приносила и другие деликатесы: казы, шужык, карта, языки. В отсутствие сына, в минуты сильной ярости свекровь вспоминала несостоявшуюся невестку и громко кляла судьбу: «Ах ты, коварный Господь! Несчастливая моя головушка! Вот и Улжан я свою потеряла! Такие лакомства мне носила!».

Да, ее можно понять. Один курдюк чего стоил, легкий, целебный, не оставивший тяжести после еды.

Таким образом, секрет Улжан тоже был раскрыт. Ее планы с матерью Беке не претворились в жизнь. Привыкшая к курдюку свекровь говорила мне: «Разве может быть вкус у постного худого мяса? Мой сын хорошо зарабатывает. Покупай жирное мясо!». Она не ела постного мяса и иногда даже выбрасывала его.

После того, как мы поженились, главной задачей Беке стало приучить меня к матери, к ее странностям и вздорному нраву. С первых же дней он не называл меня по имени, придумав ласковое прозвище Сулуым – Моя Красавица. «Мать моя жила в одном дворе со снохами-невестками. И никогда не находила с ними общего языка. Так и провела жизнь в ругани и ссорах. И все это сказалось на ее характере, сделало ее непримиримой. Если матери не дать чего-нибудь тайком, чтобы другие не знали, ей нет жизни. Точнее, такая жизнь для нее гроша ломаного не стоит. Она не понимает другого образа жизни, не приемлет его смысла. Настолько крепко впитались в нее привычки прошлого быта, полного интриг, когда снохи тайно урывали лакомые куски, прятали их друг от друга. Говорят, «болезнь может пройти, привычка останется». Словом, привычки превратились в болезнь. К примеру, поскольку я был не женат, мог бы поесть где-нибудь в столовой, а дома лишь попить чаю. Однако из-за своей престарелой матери я прибегаю домой, чтобы приготовить пищу. А мать не понимает этой моей жертвы, того, что я, мужчина, готовлю еду. Поэтому, Сулеке, будь готова, теперь нас трое, значит, и воровства станет больше.

Как только сварить мясо, поставь блюдо с мясом перед ней. И отвернись хоть на минутку. Хорошо, если вообще выйдешь, придумав причину. Мать непременно должна отрезать жирный кусок мяса и положить себе в рот. Потом должна успеть отрезать еще кусок, покрупнее, и, завернув в бумагу, засунуть в карман камзола. Иначе, что бы она ни съела, не получит удовольствия, так как эта привычка перешла у нее в условный рефлекс. Я сам постоянно поступаю так. Обычно я отворачиваюсь, якобы занятый тем, что опускаю в бульон сочни. Мама, что-то лопоча, жует кусок мяса. И только дождавшись, когда она сделает все свои дела, я поворачиваюсь к ней. Не хочу нарушать ее душевного состояния. Если мама вдруг заподозрит, что я заметил ее проделки, то теряет покой. Состарилась ведь она, моя дорогая мама!», – с жалостью в голосе говорил Беке, тем самым вызывая чувство жалости и во мне.

«Как я уже говорил тебе, воровства станет больше, так как нас теперь трое, – продолжал он свои инструкции. – Хлеб, конфеты или какую-то другую еду надо сунуть ей в руки поутру, пока она еще в постели. Пожалуйста, делай так! Во-первых, чтобы у матери было, чем полакомиться наедине с собой, во-вторых, для покоя в доме. Не слишком придавай значения ее упрямым поступкам и обидным словам».

Прошло чуть больше месяца, как я стала невесткой. У свекрови была выросшая при ней внучка Рыстай. И вот к нам приехала ее дочка Шахризада, правнучка моей свекрови. Было около полудня. Мы все трое встретили ее с искренним радушием. Не успели закончить традиционного чаепития, как свекровь увела правнучку к себе. Через некоторое время я услышала ее ругань за дверью. Я вошла в комнату свекрови, испуганная и удивленная.

К тому времени я еще не умела распознавать то, о чем говорила старуха. Из-за отсутствия зубов язык ее то и дело высовывался при разговоре и снова исчезал, подобно змеиному. Это создавало препятствия произношению, особенно, когда свекровь сердилась. Но человек так устроен, что все может освоить. Позже я постепенно научилась понимать невнятную речь старой женщины, и, едва она открывала рот, как уже знала весь остальной текст. Короче говоря, овладела навыками синхронного перевода...

А тут так растерялась, что никак не могла взять в толк, о чем речь. И смех, и грех... Не заметившая меня свекровь подмигнула Шахризаде и продолжала громко говорить: «Ни кольцо, ни перстень, ни браслет не терялись. Просто заранее хочу предупредить тебя, она же сирота, ничего в жизни не видевшая, вдруг позарится. Ты не обижайся, ладно?», – последние ее слова я услышала отчетливо.

Эта история зародила во мне беспокойство, смутные подозрения и сомнения. Мне стало ясно, что вместо спокойной радужной жизни меня впереди ждут тяжелые обстоятельства. Я впала в глубокие думы. Подошла к мужу, который еще не успел выйти из-за стола и, не зная, что сказать, замерла. Он нисколько не удивился и не растерялся. Оттого ли, что остерегался напугать меня, или оттого, что уже привык к выходкам матери, но он повернулся ко мне и сказал спокойно: «Что же делать бедной моей матери! Однако терпела она стойко. Я ожидал эту бурю уже спустя неделю. Но мама молодец! Я поражаюсь тому, что столько времени она сохраняла спокойствие, проявляла геройство». Потом он продолжал: «Да разве же это скандал! Это у мамы так, ерунда, вроде: «Ах, дорогая моя невестушка! Это... ойбой! Цветочки, а ягодки – впереди!», – и он громко расхохотался. Но мне этот его смех совсем не понравился. Появилось сомнение в том, что он в таких случаях встанет на мою сторону, защитит меня. Правнучка свекрови также отнеслась к происшествию без особых эмоций: «Пустяки! Не берите в голову», – сказала она.

Таким образом, с приездом правнучки свекровь воспряла духом и, можно сказать, началась сказка «тысячи и одной ночи». С этого дня я тоже перестала, как прежде, открыто делиться пережитым, начала осторожничать. Но свекровь успела хорошо усвоить, что я сирота, и в критические моменты некому меня защитить, оградить от унижений.

Конечно, я очень сожалела о том, что рассказала ей многое о себе, раскрыла секреты. Как говорится, «сказанное слово подобно выпущенной стреле». Стрелу эту обратно, в колчан, не вернешь. Так что, все мои сказанные слова, наверняка, давно вошли в ее сознание и нашли там свое место!..

Учеба на последнем, пятом, курсе оказалась трудной, подготовка отнимала много времени. Но, учитывая беспомощность и слабость престарелой свекрови, я старалась выполнять все работы по дому, содержать его в чистоте и порядке. Я даже, как могла, сделала ремонт в запущенной квартире: побелила, покрасила рамы. Начала приводить в порядок одежду мужа и свекрови, чинить, штопать, стирать, гладить. Муж знал только размер своей обуви. Размеры одежды определить было затруднительно, ибо у него не хватало времени на хождение по магазинам. Кроме того, в то время в магазинах имел место дефицит хорошей добротной одежды. А свекровь носила поочередно два штапельных платья. Лишь в конце недели она отдавала мне их на стирку. Платья эти совсем сносились и обветшали, местами продырявились. Только благодаря темной расцветке прорехи не бросались в глаза. Камзол ее тоже состарился, поблек, посерел. Я поняла, что все эти неприглядные,

плачевные факты – результат мьгтарств ее сына, который дважды разводился, при этом плотно занимался наукой и, как мог, заботился о матери. Мне было жаль моих домочадцев, и я приняла их судьбу, как часть своей собственной.

Я умела шить, получила на фабрике большой опыт по пошиву одежды. И у меня появилось желание сшить одежду для них. Благо, была электрическая швейная машинка «Ржев» – подарок на свадьбу. В те времена на пересечении улицы Кирова и проспекта Коммунистический находился магазин шелковых тканей. Я накупил там несколько расцветок тканей и сшила платья для свекрови. Оказалось, что машинка «Ржев» не шьет плотную ткань, поэтому плюш я отдала жене брата Беке. Она раскроила и сшила новый камзол. Свекровь не стала надевать ни одной обнови, сложила всё в сундук и заявила: «Пригодятся, когда помру»¹.

Когда живешь семьей, постоянно бывает общение, гости. Всякий раз, когда кто-то захаживал к нам, я стыдилась нищенского одеяния свекрови. Возможно, когда они жили одни, никому дела не было до этого, но теперь, я это знала точно, все замечания и осуждения первым делом направлялись на меня. Беке, по своему обыкновению, не обращал на это внимания. Я же иногда предлагала свекрови:

– Апа, надели бы новое платье с новым камзолом, что я вам купила, и сидели б нарядная. Приходящие люди могут подумать, что у вас нет одежды.

Я повторила эти слова раза три-четыре. В последний раз свекровь пришла в ярость: «А что, ты эту одежду из отцовского дома мне принесла?! – взвилась она. – Без конца повторяешь: платье, что я купила, платье, которое я купила! Если и купила, то на деньги моего сына! Талдычишь и талдычишь одно и то же!». Сказала, как отрезала. После этого я перестала донимать ее по поводу одежды. Сын пробовал мягко надоумить ее переодеться, но и его старуха не послушала.

Все же я решила найти другие способы избавиться от тех ее двух старых платьев. Мне пришла в голову мысль купить ткань схожей расцветки, с такими же цветочками, как на ее платьях, сшить новое и незаметно надеть на нее.

Сказано-сделано. Я купила два отреза идентичных расцветок. Потом раскроила по модели старого платья, а именно, свободный крой, называемый «распашонка». Хорошенько посадила рукава. Затем срезала со старого платья, брошенного на стирку, серебряные пуговички и пришила к новому. Когда свекровь выкупалась, подала ей обнову. Не подозревая ничего, она надела платье, не стала присматриваться и к цветочкам.

На следующей неделе черед был за другим платьем, расцветка которого была несколько темнее старого. Еще в ванной свекровь подняла крик. Она выскочила оттуда в старом платье.

– Ах, мой горемычный сын! Несчастный, как тебе не везет с женами! Где ты только нашел эту невоспитанную, что и одежду хорошо выстирать не умеет?!

Она вскипятила воду в электрочайнике в своей комнате, потом сунула в таз новехонькое платье и начала лить на него кипяток из чайника! Я вскрикнула от ужаса. Ясно же, что материал платья может вылинять от кипятка. Я побежала к Беке и сообщила ему обо всем. Тот проявил огромную выдержку и стал меня успокаивать:

– Именно сейчас нельзя вмешиваться. Пусть льет, не то может в гневе обжечься. Пусть линяет, ничего страшного. В любом случае, не порвется же. А то старое платье, пока не видит, выбрось, пожалуйста...

¹ По казахскому обычаю, одежда умершего раздается родным и близким.

Новое платье мокло в тазу неделю. Я не переставала удивляться мужу и искренне, от души жалеть его. Он закрывал глаза на все выходки матери, со всем смирился. Бессилен был перед нею в любой ситуации. Лукаво, с шутками-прибаутками Беке старался уговорить мать мирным путем, без ссор и стычек. Иногда она его слушалась, в другой раз – нет. Эти отношения их напоминали отношения мудрого отца и капризной дочери.

Избавившись таким образом от старых дырявых платьев, мы облегченно вздохнули, ощутив привкус, пусть маленькой, но все же победы над сумасбродством матери. Даже теперь, когда я вспоминаю эти многочисленные истории, мне хочется обнять Беке и прижать к груди, как образец сыновней любви, безбрежного уважения и почитания родителей, философского принятия всех и всего, что дает нам жизнь.

На самом деле, если ты сам не уважаешь мать, невозможно заставить кого-то уважать ее. Большой ученый, знаток науки, Беке перед лицом своей родной матери превращался в ребенка, робкого и беспомощного.

Однажды муж сказал мне: «Сулеке, я ради своей матери родился на свет и ради нее вернулся живым и невредимым с войны. Я рожден для матери. Когда отец умер, я остался в утробе мамы. С фронта возвратился благодаря тому, что молитвы моей матери достигли Аллаха. Если бы не мама, я бы мог угодить в разные переделки. Но знаю, что она ждет меня и бегу домой. Ни на один миг мое сознание не покидала ответственность за мать, она же отводила от меня разные несчастья, берегла меня от напастей. Вот она просто сидит дома, старая, беспомощная, но одним своим существованием придает мне силы, обязывает, вдохновляет. У тебя ведь есть высшее образование, постарайся меня понять. У нее действительно ничего нет. Только ее острый язык. Да, слова ее могут пронзить насквозь. Если б это была чужая мать, я б ее не понимал. У меня в этом мире нет никого, ближе моей старушки-матери. Я перед ней слаб, ничтожен... Говорят, когда родила меня, была уже старой, поэтому стеснялась и выдавала меня за внука. Она не думала, что ей придется жить со мной. Аллах наградил ее долголетием и поручил мне опеку над ней».

В обычной жизни, в каждодневном быту нет разделения обстоятельств и разных дел на большие и малые. Они все, объединяясь, создают зависимость от судьбы. Вполне вероятно, что любое из них может исполнять решающую роль. Я поняла, что жизнь сама соткана из чередующихся событий и явлений, и не нам анализировать их, судить о них, разделяя на правильные и неправильные. Много тут таинственного и скрытого от глаз. И главное, чего нужно придерживаться, это – честность, терпение, разумение.

У Беке был племянник Кенес, сын старшего брата Ыскака, который пропал без вести на войне. Мать его работала преподавателем и жила в Кызылорде. Кенес был самостоятельный молодой человек, дипломированный специалист. Успел уже второй раз жениться. Несмотря на это, Беке продолжал опекать его.

Если углубиться в историю, сноха Беке Тажигуль была из рода Кожа и родная его кудаша¹. У отца Беке Калымбета был сын Ыбрай от первой жены. Так эта Тажигуль приходилась племянницей Шекер, жены Ыбрая. Оставшись сиротой, она воспитывалась в семье Ыбрая. Деверь Ыскак поступил в Кызылорде учиться и жил у брата Ыбрая. Вот они с Тажигуль и поженились.

¹ Кудаша – сватья, молодая родственница родителей одного из супругов по отношению к родственникам другого супруга.

Мой муж не мог оставаться равнодушным к будущему Кенеса, единственного потомка второго старшего брата Ыскака. То было время активных геологоразведочных работ и го освоения подземных месторождений в Казахстане при энергичной поддержке Каныша Саптаева. Беке обеспечил поступление племянника сначала на горный факультет Политехнического института, а затем и в аспирантуру. В 1954-1964 годах открытие рудников являлось основополагающим проектом промышленности, и на него были брошены все ресурсы.

Первая жена Кенеса не рожала. Вторая жена Мария родила сыновей-двойняшек и жила со свекровью в Кызылорде. Не найдя работу у себя на родине, Кенес устроился в разведывательную экспедицию в окрестностях Алматы. Как и всех специалистов того времени, Кенеса также мучил квартирный вопрос. Я заметила, что избалованный, выросший единственным ребенком в семье, он был легкомысленным, не приспособленным к трудностям и меланхоличным. Оказывается, в те периоды, когда Кенес оставался без стипендии, Беке из своей зарплаты отдавал ему сумму в размере стипендии. Арендуя жилье и предоставленный себе, племянник начал попивать.

– Сулеке, ты не огорчайся, но это – единственный потомок моего старшего брата. – сказал мне Беке. – Отец его был очень образованным человеком. До войны работал начальником ОБЛОНО Кызылорды. Не вернулся с войны. Кенес еще не образумился, поступки у него неблагоприятные. Пусть живет с нами, не то жизнь на квартире доведет его до пьянства.

– Конечно, нас же всего четверо будет, – согласилась я.

В связи с тем, что свободных комнат у нас не было, Кенеса определили спать в комнате бабушки на раскладушке. Комнаты были смежные, и дверь свекровиной спальни выходила прямо в нашу комнату, которая служила еще и гостиной. Дверь кухни тоже рядом. Короче говоря, в зал выходило три двери. Такие квартиры народ называл «хрущевками». Площадь нашей двухкомнатной квартиры была всего-навсего двадцать девять квадратных метров.

20

Однажды мы собрались в гости к Кабдрахману. Он был родным братом Зейнепапай, жены доктора биологических наук, профессора Л. Клышева. Профессор был в свое время другом моего деверя Ыскака. Поэтому Беке общался с Клышевым еще с Кызылорды.

Блиские друзья моего мужа, блюдя сформировавшиеся издревле казахские народные традиции, поочередно приглашали нас в гости. Я училась на пятом курсе. Кенес жил с нами. Он прекрасно знал все повадки и выходки моей свекрови по той причине, что и его мать много лет являлась ее невесткой.

– Женеше¹, когда вы уйдете, мы начнем в доме обыск. Оставьте, пожалуйста, под газовой плитой чашку вскипяченного молока, – попросил он меня. – Если во время обыска мы ничего не найдем, у апа упадет настроение, ей тогда и кусок в горло не полезет. Я все понимаю, но будет здорово, если мы вдвоем разыщем эту чашку.

Я посмотрела на него с удивлением:

– Кенес, я же приготовила рис на молоке.

Свекровь называла эту обычную рисовую кашу «сыркуриш» (подкрашенный рис). Кенес воскликнул:

¹ Женеше – обращение к жене старшего брата.

– Ой, женеше! Дело же не в еде. Весь смысл тут в том, что мы с бабушкой найдем спрятанную вами вещь и вдвоем перемоем вам косточки: «Посмотри-ка, скрыла от нас и спрятала! Такая-сякая, всегда так делает!» – если вот так посплетничаем про вас, то любая еда нам будет в удовольствие, лучше усвоится, – подмигнул он мне.

Беке вошел к матери и сказал:

– Апа, мы уходим в гости. Вы с внуком сами поужинаете.

Мы одевались в прихожей, а свекровь уже впорхнула в кухню и позвала внука

– Кенес, ты где?

– Здесь я, аже! Ойбой, вот это да, смотри, что я нашел! Оказывается, она спрятала чашку молока! Наверное, рис сварила на воде, ну-ка, попробуй. – донесся голос Кенеса.

Когда мы вернулись из гостей, нашли свекровь без конца бегающей в туалет. Выяснилось, что она напилась молока и поела рисовой каши, сдобрив ее большим куском масла. Неудивительно, что у нее разыгрался жестокий понос. Мать не хотела, чтобы мы узнали, но ведь не скроешь запах, стоявший в доме. Она обмарала и кое-что из одежды.

Беке, точно зная, как действовать, сделал разведку:

– Апа, ты, поди, проголодалась. Сказать Кенесу, чтобы «сыркуриш» приготовил?

Ослабевшая донельзя, бледная мать произнесла, едва шевеля губами: «Нет», – и отрицательно помахала рукой. Сын ее, получив ожидаемый ответ, избавился от возможных нападок матери.

В народе говорят: «Не смейся над стариками». Одному Аллаху известно, какова будет наша старость. Судьба мне щедро преподнесла эпизоды, подобные вышеописанному. Тем самым она закаляла меня, заставляя принимать чужую старость, как бы это ни было трудно.

У Кенеса имелся свой ключ от нашей квартиры. Он не сумел оценить привилегию, которую оказал ему дядя, позволив жить с нами. Жил Кенес на всем готовом: накормлен, обстиран, спал на чистой постели. Однако оказался неблагодарным. Нередко мог прийти среди ночи навеселе. Но, вместо того, чтобы потихоньку уснуть, заходил в кухню и пил чай или, согрев воду в титане, начинал мыться. Одним словом, мог до утра слоняться по квартире, производя много шума. Через два-три месяца проживания у нас участились его приходы в нетрезвом состоянии. Иногда, невменяемый, он мог сорвать с нас одеяло.

– Сулеке, что-то он переходит все границы, – сказал однажды огорченно Беке. – Наверное, все заработанное пропивает. Может быть, заберем и жену сюда, вдруг она повлияет на него положительно? Что ты скажешь?

– Давайте заберем. Пока не поздно, дадим ему возможность исправиться, – согласилась я.

Итак, жена Кенеса Мария с маленьким сыном тоже стали жить с нами. Я с восьми утра и до трех часов пополудни бывала на занятиях. Обедала в институте по талонам. Мария днем поила свекровь чаем. Ей и в голову не приходило приготовить горячую еду и убрать в доме. Но и тогда я прощала ей, ведь у нее был требующий заботы годовалый сынишка.

Объединившись со свекровью, они начали нападки на меня. Когда Кенес приходил выпившим, я просила ее как-то преградить ему путь к разным пакостям, хотя бы не подпускать к нашей кровати.

– А что я могу сделать? – возражала она. – У Коке большой авторитет и связи. Пусть лучше поскорее добьется для нас квартиры!

Оказывается, все они вместе с матерью Кенеса Тажигуль решили, что чем больше будут злоупотреблять своим положением и делать нашу жизнь невыносимой, тем скорее Коке устроит им квартиру, если даже ему придется для этого поступиться своей честью. Такие вот недалекие люди.

– А что, у Коке вашего есть дом, который он сам построил? – не выдержала я, – поэтому мы вам не даем квартиры? Жилье выдает институт...

Мария взяла сына и вышла. Я приготовила обед и прождала их. Она не пришла. Вечером я сказала Кенесу, что жена его куда-то удалилась. Он тоже ушел. Мария вернулась через два дня.

– Сегодня же, прямо сейчас уходите и снимайте квартиру! – сказала я ей твердо. – Я больше не намерена терпеть эти ваши концерты и спектакли. У терпения тоже есть предел. Не хочу из-за вас слышать от родственников слова незаслуженного обвинения! – распалилась я.

Они собрались и на другой же день ушли на съемную квартиру. Институт Геологии находился в ведении Академии наук. В общем, при содействии Беке Кенес с семьей получили, в конце концов, трехкомнатную квартиру. Кенес перевез к себе вышедшую на пенсию мать и всю семью, на свет появилось еще двое детей: сын и дочь. Время от времени он приглашал нас в гости. Встречая нас в прихожей, он первым делом подходил поздороваться к бабушке и, делая вид, что застегивает пуговицы бешмета, незаметно засовывал ей в карман пару булочек. Потом поворачивался к нам и говорил со смехом, по-русски: «Кто его знает, а вдруг завтра наступит голод!».

Мы с Марией подружились, делились секретами. У нее со свекровью тоже были напряженные отношения, и она приходила ко мне поговорить по душам, отвести душу. Человек начинает понимать другого только тогда, когда сам пройдет через трудности и испытания, примерит на себя чужой опыт, пропустит через сознание. Видимо, такова непреложная закономерность жизни.

21

Моя свекровь никогда не ела из общего блюда. В доме имелось три алюминиевых миски, купленные еще до моего прихода сюда. Одна из них предназначалась свекрови. Ее любимыми кушаньями были бесбармак, плов, казахская лапша «кеспе», пельмени, жареный сазан. Кеспе апа называла «узбен». Остаток своей еды она уносила в миске в свою комнату и позже доедала, разогрев на электроплитке. Эту привычку сформировала ее жизнь с холостым сыном, который весь день работал и появлялся дома лишь поздним вечером. Свекровь не прикасалась к нарезанному мясу. Ей надо было подать его большими кусками, из которых она сама выбирала себе самые жирные части. Мясо непременно должно было быть жирным, бульон – наваристым. Постное мясо старушка презирала. Если мясо не устраивало ее по жирности, она говорила: «Ах ты, собачья сирота, не умеющая накормить по-человечески!». Бывали дни, когда она швыряла миску вместе с едой.

Два года спустя, с появлением холодильника, мы взяли за обыкновение покупать на Зеленом базаре сразу по три-четыре килограмма курдюка. Мы жили на углу улиц Байзакова и Габдуллина, довольно далеко от базара. Поэтому приходилось брать продукты впрок. Да и свекровь лишний раз не раздражалась в

поисках любимого курдюка. Кусочек отварного лакомства всегда был перед ней по первому требованию.

То, что хлебные магазины открывались тогда в семь утра, было очень удобно для меня. Каждое утро я покупала по городской булке, коротко называемой горбулкой, и пока муж не ушел на работу, одну из них относила свекрови. Войдя к ней, еще спящей, слегка толкала ее поверх одеяла. Она тут же молча выпрастывала руку. Я совала ей горбулку и быстро выскальзывала наружу, пока она не догадалась, что это я.

Как говорится, «хочешь жить, умей вертеться». Вообще, я изрядно устала от этого «сказания о двух горбулках». Ясно ведь, что за столом у нее никто не отберет еду. Но, как выражается Беке, «что возьмешь с больного, это привычка, ставшая болезнью». Причем все эти причуды повторялись изо дня в день. Сколько же терпения нам потребовалось, чтобы поддерживать их...

Итак, я заключила брак со старшим по возрасту человеком, материальное положение которого оставляло желать лучшего. Престарелая мать его оказалась властной, грубой и вздорной. Всё это стало причиной для возникновения сплетен и пересудов. Раздумывая над этим обстоятельством и не умея объяснить его, я ужасно мучилась и страдала.

Страстно устремившаяся к учебе, получению знаний, я в течение шести лет преодолела все препоны и трудности на этом пути, получила диплом, и совсем близко было то время, когда могла бы стать самостоятельной и прокормить себя. Поехав по направлению и устроившись на работу в школе, я могла бы получать зарплату учителя и продолжать жизненный путь. Но нет, угораздило же меня прямо накануне сделать резкий поворот и очутиться в таком положении, что будущее мое было смутным и туманным.

Взгляды и менталитет окружающих меня людей оказали огромное влияние на мое внутреннее состояние. Не покидало ощущение, что с повозки моей судьбы свалился некий груз и остался позади. Слова, сказанные мужем в наш первый день, а именно: «Чтобы я больше не видел ваших слез. Я мало обещаю, но много делаю», не давали погаснуть надежде, вселяли веру, что всё наладится. Они не казались похожими на дежурные слова, сказанные без всякой ответственности, и были восприняты мной, как страстное обещание, как гарантия светлого и прочного грядущего. Они окрыляли меня, поднимали мой дух. Мне тогда показалось, что все мои честолюбивые цели и мечты, наконец-то, исполнятся, реализуются...

Когда я возвращалась с лекций и занятий, никто не встречал меня приветливо и тепло. Более того, разные выходки свекрови заводили меня в тупик и бросали в пучину переживаний. Беке весь день проводил на работе, даже на отдых времени не оставалось, не говоря уже о прогулках и забавах. Дело в том, что в тот год он начал преподавание в сельскохозяйственном институте. Я старалась обеспечить мужу благоприятную обстановку и находилась в сильной зависимости от его душевного состояния. Помимо всего прочего, приходилось учитывать его возраст, когда остаются позади походы в кинотеатры и другие места развлечений.

Ему и в голову не приходило, что его Сулу могла заскучать, что ей надо бы развеяться. Телевизора у нас не было. После ужина Беке некоторое время проводил за читкой газет, затем садился готовиться к завтрашним лекциям. У него не возникало поползновений обнажить свои чувства ко мне, поговорить со мной

по душам, утешить. Будто те памятные слова, сказанные им в первый день, должны были решить все могущие возникнуть проблемы семейной жизни, как некая волшебная формула. Видимо, для него этого было вполне достаточно. А я, страстно желавшая, чтобы он раскрылся, откровенно поговорил бы со мной о нашем будущем, о наших планах, впадала в глубокие раздумья, пытаюсь найти объяснение поведению мужа.

Да, он сразу откровенно дал знать, что бракосочетания не будет. У любого здравомыслящего человека такое заявление могло вызвать сомнения. Даже в дни, когда меня атаковали мучительные раздумья, я не тревожила его вопросами. Я поняла, что Беке доверяет мне без обещаний, без лишних слов, и поэтому также старалась молчаливо доверять ему во всех его делах и поступках.

22

Однажды к нам в гости явились Кенес с женой и сыном, уже жившие на квартире отдельно. Сынишка их Жан схватил насморк и температурил. На раскладушке они, конечно, не помещались. Я постелила им на полу, но из щелей балконной двери несло сквозняком, поэтому мы уступили им свою железную кровать. Пришлось попроситься на ночлег к свекрови. Она всю ночь шуршала, возилась и не давала нам спать. Включили свет. Увидев при свете старушку, мы покатались со смеху. Оказывается, она собрала все свои камзолы, бешметы и накрылась ими. Вид у свекрови был такой, будто она сидела в шалаше. Мало того, она собрала в руки все застежки одежды. Ей, видимо, пришла в голову мысль, что, если она крепко будет держать в руках застежки, никто их не срежет и не украдет.

Из всех моих новых родственников самой близкой мне была моя абысын¹ Аяткуль, я называла ее «мамка». Говорят, кто первым откроет лицо невестки, тот становится самым дорогим человеком для нее. Мамка Аяткуль была первой из родни мужа, с кем мне довелось познакомиться и побеседовать в этом доме.

Эта женщина полюбила меня всем сердцем и с искренним чувством приняла участие в том, чтобы приблизить к мужу и облегчить мою адаптацию в этой семье. Она рассказывала мне о лучших сторонах деверя и в частые свои визиты приносила гостинцы. Обычно это бывали ягоды и фрукты.

– Когда сын приедет, приглашу вас в гости, – говорила мамка Аяткуль.

И действительно, сдержала слово. После приезда сына она пригласила нас с мужем в гости, добавив для компании Жалгаса Лукпанова, работавшего в институте «Защиты растений», и еще одну пару.

Я тоже не оставалась в долгу, делала ей небольшие подарки, иногда помогала деньгами.

Дорогая моя Мамка! Вы были моим советчиком и утешителем, когда я испытывала трудности и маету. Вы пытались утихомирить мою свекровь: «Биби! Пришла уже пора тебе успокоиться!». Свекровь грубо обрывала вас: «А ты сиди тихо, не подхалимничай! Знай себе, пей свой чай». Помню всё-всё, словно произошло только что. Ваш белолицый образ, когда вы, завернув платок за уши, ведете неторопливую беседу, остался на незабываемой странице моей памяти. «Невестушка, хоть ты можешь рассказать нам обо всех проделках этой старухи! Мы-то ничего и никому не могли сказать, точно немые. У нас не было возможности ни мужу, ни подругам молвить хоть слово. Какая она счастливая мать, эта

¹ Абысын – жены братьев по отношению друг к другу.

старуха! Все ее дети были красивыми, умными и во всем подчинялись ей. Как это она смогла их воспитать такими, поражаюсь», – говорили вы. – Дети ее были как в той поговорке: «Раскроешь ладонь, они – на ладони, сожмешь кулак, они – в кулаке». И еще слышала я от вас: «Помнится, муж мой говорил: «Уважь старуху, она уже в детство впала, ей жизни осталось, как у старого барана».

Также частенько вздыхали: «Сейчас я сама уже старая, за шестьдесят перевалило, а эта все еще хорохорится, никогда не смолчит.. Когда уезжала куда-то в аул, на поминки или на той, оставляла нам меру чая. Мяса было много, на зиму запасали. Но экономила, не давала еду как следует приготовить, скупилась. Когда свекровь уезжала куда-либо, дети ее радовались. Они всем скопом, навалившись, отодвигали тяжелый кебеже¹ с мясом и вытаскивали гвозди из крышки. Сундук был высокий и широкий, длиной почти полтора метра. Вытащив оттуда побольше мяса, отдавали мне: «Возьми Аяткуль, свари-ка нам наваристой еды, хоть разок наедемся до отвала». Я сама боялась близко подойти к сундуку, но наварить еды по просьбе ее детей было моей обязанностью.

А ведь она так и не догадывалась, сколько мы взяли мяса, такое изобилие было тогда. Когда мать возвращалась, мы сидели невинно, как ни в чем не бывало. Она ведь простоватой была, несмотря на свой скандальный характер. Короче говоря, пользуясь ее отъездом, устраивали бастангы² и наслаждались.

Когда я пришла невесткой, твоему мужу было пять лет. Стоя у порога юрты, Бала³ прутиком опрокидывал мой саукеле⁴ с головы. Ни старший брат, ни мать не одергивали его, таким он рос баловнем. Никто не смел его тронуть, все боялись свекрови.

Когда Бала вернулся с войны, моя дочь Рыстай уже вышла замуж. Он привез в Алматы двух двоюродных братьев, моих сыновей, помог им поступить на учебу. Мы тоже с его помощью здесь обосновались. И Кенеса, сына другого старшего брата, также он, Бала, устроил в институт, очень помог ему выучиться, стать человеком.

Первая его жена была неплохая, врач, образованная. А старший брат ее, тот вообще был замечательный человек, занимал высокую должность в Ташкенте. Она не вытерпела характера Биби и ушла. Городская ведь была. А мы аульные. Он за ней вдогонку сюда примчался, переехал даже, давай, мол, снова сойдемся. Но не получилось у них.

Вторую жену тоже хорошо знали. Он женился на ней на девятый год после развода с первой. Но прожили они всего три года. При каждом разводе он много страданий и невзгод испытывал. Даже с работы увольняли, из аспирантуры отчисляли, верховный суд вмешивался... Короче говоря, спустя пять лет после второго развода появилась ты. Ты умеешь прощать. Биби не думает о судьбе сына. Бала устал, заботясь о матери и угождая ей. Он не бросает науку и продолжает расти, развиваться своими силами. Да поддержит его Аллах, что мне еще сказать! Мы не смогли ему помочь ни в получении образования, ни материально», – так выражали вы свое сожаление.

¹ Кебеже – большой деревянный сундук для хранения продуктов или посуды.

² Бастангы – тайное застолье, устраиваемое молодежью при отъезде старших.

³ Бала – мальчик. По обычаю, сноха называла деверей придуманным именем.

⁴ Саукеле – островерхий головной убор невесты с украшениями.

Прекрасная мать, уважаемая моя абысын Мамка! Пусть пристанище ваше будет светлым! Пусть земля вам будет пухом, а душа обретает в раю. Вылившаяся из самого сердца эта песня, называемая «Посвящение матери», родилась в те минуты, когда я вспоминала вас. Примите ее.

Цветами жизни оно нас осыпает,
Семенами благодати нас засекает,
Молоко материнское – мёд для нас,
В бренном мире любой его вкушает.

Наша мать дорогая – опора бытия,
Непорочно и чисто ее сердце всегда.
Дети для нее слаще мёда душистого,
Пока не вырастут, их пестует она.

Мать – родник, молоком нас вскормила,
Великодушно все ошибки простила,
И в юности, и в старости мать – одна,
Мать – одна, в ней всей жизни сила.

Какой бы ни была твоя родня,
И пусть тебе под стать твоя судьба,
Удачей, счастьем, благом наделен.
Но у любого человека мать – одна.

Мать – одна, когда и где б ты ни родился,
Мать – одна, кто б из тебя ни получился,
Царь ли ты, ученый, все равно,
Мать – одна, хоть ты с Луны свалился.

Ладони жаркие у матери весь век,
Счастливчик тот, кто их теплом согрет.
Молоку материнскому воздадим сполна,
Взлелеем ее, чтоб от лика шел свет.

Мать досточтимая, своим свойствам под стать,
Так будем ее уважать, почитать.
Будем внимать ей, чтоб потом не жалеть,
В обоих мирах одна у нас мать.

Как-то Беке купил на базаре два сундука, один в другом. Маленький сундук – «ручной» – он определил для хранения пищи. У свекрови моей был свой сундук. Покупая эти сундуки, муж заботился, прежде всего, обо мне. Его целью было – упорядочить вещи матери, собрать их, чтобы предотвратить ее обвинения меня в воровстве. Однако нам все равно не удалось освободиться от возгласов «Украли!», вспыхивающих внезапно ссор, от самых больших скандалов.

Когда сноха мужа Аяткуль ночевала у нас, Беке лукаво обращался к матери:

– Апа, ночью я проснулся от какого-то шороха. Смотрю, рука Аяткуль уже приблизилась к замку твоего сундука. «Прочь руки от сундука моей апа!», – сказал я и ударил ее по руке. Вот так я предотвратил воровство.

На это свекровь, презиравшая меня, как человека из черни, возражала:

– Перестань! Она – из рода Кожа, на глазах у меня выросла, никогда даже к нитке моей не притронулась. Мое воспитание!

– Апа, она ведь тоже когда-то была «лживой воровкой!» – подзадоривал ее сын.

Тогда сноха останавливала его негромким голосом:

– Эй, Бала, сиди тихо, давай спокойно попьем чаю.

История, почину которой послужил визит Шахризады, нашла продолжение, являясь искрой для частых ссор. У свекрови вошло в привычку устраивать мне «головомойку».

Содержимое сундука было известно только Беке и его матери. Я ничего не знала и не ведала, мне ничего не показывали. Только после смерти свекрови я увидела, что оба сундука были полны колец и перстней. Эпопея с перстнями и браслетами не имела конца, она превратилась в легенду без завершения. Беке решил оградить меня от постоянной шумихи в преддверие моих государственных экзаменов и однажды сказал матери:

– Апа, эта лживая воровка не даст тебе покоя, всё обчистит. Давай отвезем твои сундуки к твоей невестке Аяткуль. Как ты на это смотришь? – и тут же спохватился: – О, господи, бедовая моя голова, я же совсем забыл, что она тоже та еще воровка! Нет, нельзя к ней.

Но свекрови эта мысль пришла по душе:

– Да нет, она у меня и нитки не украла. Давай туда отвезем, хорошо придумал!

Свекровь пересчитывала все свои серебряные кольца-браслеты, называя поименно каждого дарителя. Думаю, иногда она ошибалась, так как начинала колотить по сундуку кулаками и плакать:

– О, Господь! Если я вру, накажи меня, побей меня! Или побей того, кто украл!

Спустя два-три дня она замолкала и успокаивалась. Ни с того ни с сего становилась кроткой. Интересно, думали мы, апа все-таки нашла потерю или ошиблась при счете? Чтобы узнать правду, Беке разыгрывал выпад против меня:

– Эй, дочь Аргына! Где перстень апа, давай находи! Не найдешь, побью!

– Апырмай!² Ты тоже, как услышишь что-нибудь, не отстанешь. – говорила мать смущенно.

И тогда становилось понятно, что потерянные ею вещи на месте. В следующий сыр-бор вокруг «драгоценностей» я решила раз и навсегда закрыть эту тему и сказала:

– Апа, современная молодежь не носит серебра, только золото. Я тоже не ношу серебра. Кажется, они к тому же изготовлены по старинке.

Свекровь презрительно выпятила губу и сунула мне дулю:

– Ах ты, купеческая дочь! Она, видишь ли, не носит! – и разлилась еще больше.

Итак, мы доставили сундуки к снохе Аяткуль и успокоились. Но, несмотря на предпринятую меру, переживаний моей свекрови не убавилось.

¹ Аргын – казахское племя из Среднего жуза.

² Апырмай! – О, господи! О Боже! (восклицание).

Невестка ее Аяткуль была пожилой уважаемой женщиной на седьмом десятке, не сирота. Она почитала моего мужа, как хозяина шанырака¹ и даже во сне называла его «Бала». Мать никому не давала сына-последыша в обиду. Когда, рассердившись на какую-либо выходку Беке, дядя восклицал: «Не иначе, как он с ума сошел!», она парировала: «Среди вас один сумасшедший имеет право быть».

«Сказание о сундуках» длилось до самой смерти свекрови. Через каждые два три месяца она ездила к невестке и производила учет их содержимому. Иначе ей не было покоя. Сундуки находились в квартире на втором этаже. Был как-то случай, когда мать, решив самостоятельно пойти туда, скатилась по лестнице. Она вернулась с синяками под глазом и на лице. И смех, и грех. Оказывается, она умоляла не говорить правды мне, так ей было стыдно.

Второе приключение касалось двух бараньих шкур, оно случилось в первый год моего замужества. Да, шкур тех злополучных баранов, которые были зарезаны на нашу свадьбу. Уши наши завяли от ее вопросов в конце каждой недели: «Ну как там насчет тех шкур?». По прошествии полугода она поставила вопрос по-другому: «Эй, Бердыкул, шкуры те, поди, готовы, ты бы привез их».

– Апа, мне было некогда, и прошло много времени. Сегодня обязательно зайду, – заверил он мать и ушел в баню.

Я-то знала, что выделанных шкур нет и в помине, поэтому переживала. Откуда он возьмет эти шкуры, как выйдет из положения? Назревал большой скандал.

Беке пробыл в бане более трех часов. Мать с нетерпением ждала его, даже не прикорнула в послеобеденное время, как обычно. Едва он появился, она бросилась к нему.

– Апа, дай мне переодеться. Потом все расскажу.

Как выяснилось, Беке начисто забыл про свое обещание, и поэтому он решил запастись временем для сочинения правдивой истории.

– Апа, – начал он, присев возле нее. – Оказывается, прошла неделя с тех пор, как умер человек, который должен был выделывать те шкуры. Сегодня как раз проводили поминки. Дом полон народу. У него пятеро-шестеро детей, вся семья бедствует, горюет. Жена не работает, дома за детьми смотрит.

– Отчего умер, болел что ли? – спросила мать.

– Откуда мне знать, я там никого не знаю. Задержался, потому что принял участие в поминках. Шкуры выделаны прекрасно, я пощупал ту, что лежала с краю. Спрашивать не решился в такой день, да и с женой незнаком. Апа, ты не огорчайся. Пусть хотя бы сорок дней справят, тогда и схожу. Чтобы так не получилось: «Когда враг хватает за ворот, волки хватают за подол»... Позже принесу.

– А кто-нибудь из детей работает?

– Откуда мне знать. Но их много, это точно.

– Сынок, не надо брать те шкуры. Пусть будет им как пожертвование.

– Апа, сразу две шкуры пожертвовать, не много ли будет? Может, одной хватит? – не унимался Беке, войдя в роль.

Я в кухне слушала их разговор. И, когда все прошло без сучка, без задоринки, я обрадовалась несказанно.

– А если она скажет принести? Что тогда будете делать? – пыталась я по-русски остудить мужа.

¹ Самый младший сын в семье считался хозяином дома (шанырак – здесь: отчий дом).

А ему хоть бы что, всё расписывал, какие чудесные шкуры получились.

– Да ладно, бог с ними, со шкурами! Жили же без них, проживем еще, – не выдержав, взмолилась мать.

И, лишь добившись этих ее слов, Беке отстал от нее. А я открыла для себя, что мой муж – удивительный психолог. Он сумел досконально изучить свою мать, малейшие ритмы ее сердца, кровообращение во всех сосудах. И, учитывая все нюансы характера, нашел правильное решение. Как говорится, «и волки сыты и овцы целы».

Время от времени, довольная собой, свекровь говорила: «Да бог с ними, хорошо, что сделали пожертвование!».

Судьба продолжала нанизывать эпизоды один за другим. Мне хотелось бы остановиться на одном. Он, хоть и невелик, но значим по смыслу.

Пока осваивалась на новом месте, я и не заметила, что забеременела. Стеснялась поговорить с мужем на эту тему. Да и некогда ему было, он ведь для дополнительного заработка устроился в Сельскохозяйственный институт на полставки, лекции там читал. Вечером каждый из нас садился за подготовку, он – к лекциям, я – к занятиям. Порой нерешительно, смущаясь, я могла рассказывать мужу о своих делах. Учитывая возраст мужа, называла его «агай». Долго затруднялась, не зная, как обращаться к нему, особенно, когда рядом были другие люди. На второй год, подражая деверьям, стала называть мужа «коке». И лишь, когда после рождения трех детей я обратилась к нему, называя Беке, он вдруг резко повернулся и сказал с усмешкой:

– Ну, Сулеке, говоришь, постепенно мне на голову сядешь? Скоро, наверное, Бердыкулом меня назовешь?

За шутивным тоном угадывалось его недовольство. Меня, как я уже писала выше, с первых дней муж называл «Сулу» (Красавица). Мне показалось, что он иронизирует, но я не стала делать ему замечаний. Потом он перешел на ласкательное «Сулеке», и я примирилась, привыкла к этому имени, как будто оно дано мне было при рождении...

Как-то я пришла с занятий усталая, вижу вся квартира в птичьем пуху.

– Апа, откуда этот птичий пух взялся? – спросила я у свекрови.

– Не знаю. Я не видела пуха, – отрезала она.

Через неделю это наваждение повторилось. Я снова спросила. На самом деле, я не подумала проверить подушки, поскольку они были в наволочках. Кто же мог подумать, что мать начнет копать в подушках? Собирать пух – дело нелегкое. Я сняла наволочки и обнаружила дырки в нескольких местах.

– Апа, зачем вы продырявили наволочки? – спросила я.

– Да, правда, я проверяла пух, – ответила она жестко. – Там раньше был гусиный пух, а сейчас – куриный. Я покупала гусиный пух за двадцать пять рублей у одной чеченки на тастакском базаре.

– Апа, станет разве нормальный человек менять пух в единственной подушке? – спросила я.

– Оставь пустословие! Ты и так заставила меня прыгать, как мартышку, лучше найди пух! – зло вскричала свекровь, не давая мне оправдаться. Она не слышала никого, кроме себя, и продолжала наступать на меня: – Не выдавшая ничего в жизни сирота! Ну-ка, находи пух!

Желая не огорчать мужа, я постепенно начала меняться. Старалась не обращать внимания на ежедневные мелкие придирки и обидные выкрики свекрови. Иначе каждый божий день в доме вспыхивал бы скандал, и между мной и ею встала бы стена ненависти и неприязни. Но порой я не выдерживала, и, не успеет свекровь рта раскрыть, как я наперекор ей замыкалась в себе, прекращала разговаривать с ней. А когда она осыпала оскорбительными словами моих родителей, мне хотелось бежать, куда глаза глядят. Но, «обидевшись на вошь, шубу не сжигают». Пожалеешь ее золотого умницу-сына. Вспомнишь другую поговорку: «Тот, кто молчит, избавляется от огромной, как дом, напасти»¹. Свекрови в минуты ее взрывного гнева невозможно было что-то говорить, объяснять. Она становилась совершенно глухой, не реагирующей на слова других. Была занята лишь тем, что слетало с ее языка. Старуху абсолютно не интересовало, что ты ей отвечаешь, что пытаешься донести.

Однажды муж мне рассказал о подобном случае, который произошел когда-то в жизни его матери.

В ауле две соседки ругались между собой. Свекровь оказалась свидетелем их ссоры и приняла сторону той, которой симпатизировала. Вторая женщина не стала продолжать ссору из уважения к статусу моей свекрови. Мол, она ведь «Кожанын Бибиси»². А та, первая, осталась очень довольна тем, что получила покровительство такой знатной особы и пригласила ее на чай. Во время чаепития мать Беке поинтересовалась, в чем же была причина ссоры. Оказывается, она совершенно не знала, о чем речь. Женщина была потрясена поступком своей защитницы, вступившей в бой, не зная, за что воюет.

Придя домой, мать смеялась до упаду. «Да какое мне дело до их перепалки», – говорила она, вспоминая эту комичную историю.

Как бы я ни пыталась придерживаться покоя, мира и единогласия в семье, стремилась быть прощающей, все равно для ссор находилась причина. Одна из таких причин была настолько пустяковой, что просто нет слов.

Однажды сын оставил матери пол-литровую бутылку кефира, какие были в советские времена. Вернувшись из института, я предложила свекрови чаю. Перед этим через стеклянную дверь увидела, что она держит в руках бутылку. Услышав звук открываемой двери, свекровь тут же спрятала бутылку под одеяло. Как учил меня муж, я сделала вид, что не заметила ее действий.

Вечером, когда сын пришел с работы, она вручила ему бутылку:

– Бердыкул, я не смогла открыть эту штуковину.

Беке, не вникая в подробности, из всех сил наотмашь ударил меня по щеке. Я едва не упала.

– Зачем ты нужна вообще, если не можешь найти подход к одной старухе?! – воскликнул он и вышел.

Вернулся муж через несколько часов выпивший. Видимо, выпил для храбрости.

– У тебя в утробе есть ребенок? Давай говори! Если ты не беременна, можешь завтра же уходить. Учти, если ты не будешь заботиться о моей матери, уважать ее, то пусть у тебя будет десять детей, я все равно брошу тебя! Помни об этом всегда! – то и дело повторял он.

¹ Русский аналог пословицы: «Молчание – золото».

² Биби – жена вельможи. Здесь: жена человека из знатного рода Кожа, ведущего начало от арабских миссионеров Ислама.

– На самом деле, я видела бутылку в ее руках. Но не знала, что не может открыть. Чтобы не нарываться на обвинение в том, что я подсматриваю за ней, сделала вид, будто ничего не заметила. Вы сами меня учили этому, – оправдывалась я. – Если б апа попросила, разве я не открыла бы ей?

В те горькие минуты перед моими глазами пронеслись все унижения и оскорбления моего сиротства. Я поняла, что мне надо быть сильной ради моего еще не родившегося первенца, жить по-человечески, работать, не покладая рук, ибо только я сама смогу сделать эту неприглядную жизнь краше и лучше. Мне показалось, что я в одночасье потеряла доверие к мужу. Меня сотрясали мучительные рыдания...

Они оба думали обо мне, как будто я способна лишь умножить число сирот. Не ответив им ни слова, я приняла непоколебимое пожизненное решение: ну-ка, попробуйте меня выдворить из этого дома! Отсюда вынесут только мой труп. Ишь, как вы привыкли легко бросать жен, следуя капризным обвинениям матери в их непригодности быть невестками. А я перекрою пути этой вашей привычке, заключила я мысленно. Я дала себе обязательство, во что бы то ни стало сделать моих потомков счастливыми. Пусть для этого мне придется, собрав самолюбие в кулак, не ввязываться в склоки и пересуды, находить выход в любых, самых сложных, ситуациях жизни и быта. Нацелившись на результативные намерения, я размышляла над претворением их в жизнь.

Тут я вспоминала о своей ненужности никому. Куда я подамся с ребенком, кто сможет меня пригреть? Эти вопросы приносили мне тяжелые душевные муки.

Стараясь не стать жертвой разных людских сплетен, я искала ответы на какие угодно вопросы. Я крепко уяснила для себя одно: мне надо вытерпеть и преодолеть все встречающиеся на пути трудности и превратности, только тогда я достигну высот своей мечты. Я не должна растрчивать свою жизнь на не стоящие внимания мелочи и любыми средствами находить лазейки из тупиков. Посторонним людям я должна показать образец красивой и содержательной жизни. Прочувствовала это, поняла, осознала.

Я сразу усвоила, что легко разжечь полыхающий огонь, подлив в него масла, а вот погасить его будет гораздо труднее. Мне показалось неправильным винить себя понапрасну, наоборот, я взяла за правило защищаться от наветов и лживых слов. Я сторонилась людей, радовавшихся, говоря: «ей подходит такая судьба», оборонялась от них. Сразу представлялись различного рода «благодетели», которые, вместо того, чтобы защитить, глумились над тобой, били лежачего, читали мораль, уча уму-разуму.

Но Беке, вероятно, так поступил со мной с целью проведения профилактики, сделал своего рода прививку от домостроя свекрови. Поэтому я сочла ненужными дальнейшие оправдания перед ним.

На следующий день я не пошла в институт. Лицо и глаза мои сильно опухли от слез. Я остро переживала случившееся, смятение и печаль охватили все мое существо. Сил моих хватило лишь на то, чтобы изливать горечь оскорбленных чувств в долгом плаче. Мне не с кем было поделиться своим горем. О том, чтобы пожаловаться близким подругам, не было и речи. Конечно, если рассказать кому-то, сразу полегчало бы, но... это тоже выливалось в проступок с моей стороны. Возраст Беке, ученость, положение в обществе, – всё являлось преградой, помехой для таких действий.

Муж был на работе. Я же приняла выжидательную позицию, не зная, чем же всё закончится. Сердце мое было наполнено страхом. Я набирала в кусочек бинта испитые чайники и, сделав компресс на глаза, лежала на диване. Надеюсь, что до завтрашнего утра отеки на глазах рассосутся. Свекровь вышла из своей комнаты и прошлась, считая одеяла и подушки на нашей железной кровати. Сама при этом, как обычно, вела разговор с собой. Также проверила на месте ли остальные вещи в комнате. В углу, на столе, покрытом скатертью, стояло трюмо с двумя закрывающимися частями. Она подвигала их и презрительно показала язык и дулю зеркалу: «Ах ты, сирота собачья! Кичишься, неспособная оценить такое богатство. Вправду говорят, что сытость может выдержать только овца. Эх, сынок мой, где ты только нашел эту сироту несчастную!».

Свекровь не заметила меня, лежавшую на диване с компрессом на глазах. Видимо, помешал длинный обеденный стол, стоявший вдоль дивана. А может быть, она подумала, что я в институте. Прodelав осмотр, свекровь зашла в туалет. Я поменяла в кухне компресс на глаза. Когда старуха вышла из туалета, то увидела меня, выходящую из кухни. Она сильно вздрогнула и юркнула в свою спальню, видимо, поняла, что я слышала ее слова.

А мной овладел страх другого качества. Господи, думала я, хоть бы она отправилась в мир иной, пока мы целы и здоровы, приняла смерть у нас на руках. Не дай Бог ей пережить нас и осрамиться. Я действительно поверила в такой исход и сильно испугалась.

Муж мой не трогал мать, когда та исторгала злобные грубые ругательства. А меня успокаивал: «Не принимай, пожалуйста, близко к сердцу, апа уже впадает в детство, ей ведь почти сто лет». Но картина, которую мне довелось наблюдать в тот день, дала понять, что свекрови еще далеко до маразма...

Перевод с казахского Раушан Байгужаевой.

